

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ

Кафедра журналистики

**ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся очной формы обучения
направления подготовки 42.03.02 Журналистика
4 курса группы 86001403
Зайцевой Валерии Владимировны

Допущена к защите
«__» _____ 2018 г.

Подпись (расшифровка подписи)

Оценка _____
«__» _____ 2018 г.

Подпись (расшифровка подписи)

Научный руководитель:
кандидат социологических наук,
доц. кафедры журналистики
Коротницкая Мария Викторовна

БЕЛГОРОД 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ФОРМИРОВАНИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ XIX ВЕКА	6
I.1. Историческая обстановка в Великобритании в XIX веке.....	6
I.2. Биография Чарльза Диккенса и формирование его общественно- политических взглядов.....	13
Краткие выводы к главе	20
Глава II. ИДЕЙНОЕ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА	22
II.1. Реализация гражданского пафоса в речах Диккенса	22
II.2 Реализация идейного множества в нравственно-этическом контексте статей Диккенса.....	27
Краткие выводы к главе	46
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	48
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	51
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	53

Введение

Публицистика Великобритании развивалась согласно традициям конца XVIII в. вплоть до середины XIX столетия. Из положительных черт можно назвать провозглашенную в Билле о правах 1689 г. свободу печати, которая способствовала нормальному развитию журналистики, больше всего политической и партийной. Негативно сказывалась на становлении английской печати, прежде всего устойчивая система налогообложения: к примеру, существовали налоги на рекламу, бумагу, количество полос или высокий тираж. Из-за этого цена обычной газеты в Великобритании была намного выше, чем в той же Франции или Германии, и англичане просто не могли себе позволить постоянно покупать прессу, что в какой-то мере снижало продуктивность такой функции СМИ как влияние на общественное мнение.

Великобританию XIX века можно охарактеризовать не только ростом в экономической, культурной и социальной сферах, но также и значительной классовой борьбой, что обусловлено переворотом в сознании людей. Рабочие были не согласны с условиями труда и требовали расширения своих прав и свобод, создавались целые объединения, посылались многочисленные петиции в парламент – всё это, в конечном итоге, привело к положительному отклику со стороны власти, хотя и не сразу. И, конечно же, рупором мнения английского пролетариата была пресса.

Публицистика в Великобритании была представлена рядом ярких имён – Эрнс Джонс, Поль Рейтер, Уильям Рассел. Одним из тех, кто стоял на страже силы слова выдающихся публицистов, знающих своё дело, был Чарльз Джон Хаффем Диккенс. История знает его скорее как великого писателя, чьи книги издаются огромными тиражами и в наше время. Человек со сложной судьбой, с детства привыкший к несправедливостям и тяготам жизни, рано познавший крушение надежд, Диккенс многое вынес из собственного опыта. Можно сказать, если бы не совершились определенные события, повлиявшие на его судьбу, многие его произведения вряд ли бы увидели свет. Именно

благодаря богатому жизненному опыту и общественному окружению и появились его статьи, пронизанные духом свободы и желанием достичь высоких целей, революционных мыслей, которые во многом повлияли на состояние публицистики периода XIX века.

Определяя актуальность темы работы, следует сказать, что публицистические произведения Чарльза Диккенса даже в наши дни являются самой малоизученной стороной его творчества. Многие его речи, статьи и очерки всё ещё не очень востребованы исследователями. Поэтому мы полагаем, что изучение публицистического аспекта творческой деятельности писателя поможет нам обнаружить новые грани его наследия, а также позволит по-новому взглянуть на проблематику его литературных произведений.

Сегодня повышенный интерес к легендарной личности Диккенса и его творчеству принял мировые масштабы. Исследователи со всего света – биографы, литераторы, публицисты разных стран – ищут в оставленном наследии писателя новые идеи, обновляя систему знаний и выявляя неизвестные факты его жизни. В результате современной интерпретации персонажей, идей и мыслей автора, происходит перестановка акцентов художественных и нравственно-эстетических составляющих публицистического мира в целом.

Благодаря информационным технологиям современности появились новые способы исследования творческой мастерской Чарльза Диккенса. Кинематограф знает немало экранизаций произведений Диккенса, недавно было восстановлено генеалогическое древо Диккенсов [Charles Dickens Family tree, [http](http://)]. Во времена СССР было написано несколько трудов, однако их анализ несколько примитивизирован из-за идеологии культа советской власти. Сейчас мы можем относиться к творчеству публициста более непредвзято, и поэтому, можно сказать, что мы проводим наше исследование в самое подходящее для этого время.

Изучая тот объём материала, который предоставляет нам Диккенс, мы лучше поймём взаимосвязи эпохи того времени, разглядим подоплёку событий XIX века и, возможно, в анализе дойдём до деталей, которые ещё не были выявлены. Кроме того, в понимании прошлого мы доходим до лучшего осознания настоящего, а значит, определённым образом вносим вклад в формирование будущего публицистики.

Объект исследования – статьи и речи Чарльза Диккенса на протяжении всего периода его творчества, начиная с 1838 г. по 1869 г.

Предмет исследования – особенности публицистики Диккенса, её тематическое и жанровое разнообразие.

Цель выпускной квалификационной работы – рассмотреть и проанализировать особенности мира ранней публицистики Чарльза Диккенса в период с 1838 по 1869 гг. Эта цель определена необходимостью решения следующих **задач**:

- изучить исторический контекст периода творчества автора
- изучить биографию автора
- используя исторический и биографический контекст, выявить тематические и идейные особенности статей и речей автора.

Материалом исследования послужили статьи и речи Чарльза Диккенса, такие как «Возвращение на сцену подлинно шекспировского Лира», «На банкете в его честь» - три речи с одинаковыми названиями; «Доклад комиссии, обследовавшей положение и условия жизни лиц», «Макриди в роли Бенедикта», «На вечере Политехнической школы», «Интересы сельского хозяйства», «На вечере школы для рабочих», «О смертной казни», «Угрожающее письмо Томасу Гуду от некоего почтенного старца», «Преступность и образование», «Невежество и преступность», «О судебных речах», «Старые лампы взамен новых», «Дети пьяницы» Крукшенка», «Рай в Тутинге», «Ферма в Тутинге», «Призыв к падшим женщинам», «Красная тесьма», «Сомнамбулистка мистера Буля», «Проект Всебританского сборника анекдотов», «Грошовый патриотизм», «Речь в

королевском театральном фонде», «Речь в защиту больницы для детей», «Пустомельский блятель», «Будьте добры, оставьте зонтик!», «Повадки убийц», «Некоторое сомнение во всемогуществе денег», «Шутки коронных и совестных судов», «Почему?».

Основным методом в нашей работе является метод *научного описания*, который базируется на приёмах наблюдения, классификации, систематизации эмпирического материала. В работе также используются методы анализа и синтеза, а также историко-биографический метод исследования.

Структура работы включает в себя Введение, две главы с краткими выводами по ним, Заключение, Список использованных источников и Библиографический список использованной литературы.

Глава I. Формирование публицистики Чарльза Диккенса в историческом контексте Великобритании в XIX веке

I.1. Историческая обстановка в Великобритании в XIX веке

В XIX век Великобритания вошла в статусе ведущей мировой промышленной державы. Это первое государство, в котором начался промышленный переворот, то есть переход от ручного труда к машинному. Наполеоновские войны, с одной стороны, создавали тяжелую нагрузку на британскую экономику, с другой стороны, стимулировали ее, обеспечивая промышленность заказами для нужд армии. После окончания войн промышленность лишилась подобного стимула, а множество солдат, вернувшихся в страну, стали причиной роста уровня безработицы. [Эл. ресурс: <https://interneturok.ru>]

Если в самом начале XIX века благосостояние английской экономики поддерживалось наполеоновскими войнами, то после 1815 года английская экономика вступает в полосу кризиса. Рабочих мест не хватало, пособие по безработице в то время не платили. Зачастую солдаты, сражавшиеся с Наполеоном, пополняли ряды нищих.

Основной отраслью экономики в то время было сельское хозяйство. Цены на сельхозпродукцию продолжали снижаться, ведь теперь такую большую армию кормить было не нужно. Результатом становится разорение фермеров и массовая безработица не только в городах, но и в деревне. Правительство лорда Ливерпуля, находившееся у власти с 1812 по 1827 гг., пыталось поправить положение путём сокращения одних налогов и увеличения других. Именно Ливерпуль ввел в Англии косвенные налоги (налоги, взимаемые с продажи товаров; фактически уплачиваются не продавцами, а покупателями). [Эл. ресурс: <https://interneturok.ru>] Это не могло не вызвать роста цен, что послужило причиной всеобщего недовольства. Средние зарплаты в Великобритании сократились до 7 шиллингов в неделю, притом, что 1 кг хлеба на рынке продавался за 1

шиллинг. Прокормить семью на такую зарплату было практически невозможно. Люди настаивали на том, чтобы власти повлияли на производителей хлеба с целью снизить цены. Но власти не собирались этого делать; кроме того, были приняты хлебные законы, которые запрещали ввоз хлеба в страну. В поствоенный период государство осуществляло политику протекционизма (т.е. поддержки отечественных производителей): т.к. хлебные законы устанавливали высокие ввозные пошлины на импортное зерно; это было выгодно землевладельцам-лендлордам, однако приводило к росту цен и вызывало недовольство в обществе. [Эл. ресурс: <https://ru.wikisource.org>]

Все это привело к росту радикальных настроений в обществе. Опыт французской революции показал англичанам, что с монархией можно справиться, если на нее как следует надавить. По всей стране стали создаваться организации, объединяющие людей, недовольных своим экономическим положением. Власти пытались справиться с любыми проявлениями общественного недовольства: издавались многочисленные акты по запрету так называемых мятежных обществ.

В августе 1819 года в Манчестере собралась огромная толпа, около 60 тысяч человек: требовали снижения цен на хлеб и проведения в стране реформ. Для разгона были направлены гусары, которые убили 11 и ранили не менее 400 человек. Эта кровавая бойня вошла в историю Англии под названием Питерлоо. [Эл. ресурс: <https://interneturok.ru>]

Власть издала серию актов, которые в народе получили название «Шесть законов для затыкания рта». Согласно этим документам запрещалось проводить собрания, если в них участвовало больше 50 человек, вводился гербовый сбор на листовки, по всей стране постоянно проводились обыски с целью поиска оружия, которые могли прятать люди, стремящиеся устроить революцию.

С 1837 по 1901 год королевой Великобритании была Виктория. При ней монархия окончательно утратила функции исполнительной власти и

приобрела символический, церемониальный характер. В это время утверждается двухпартийная модель, в рамках которой за власть конкурировали две основные политические партии: консервативная и либеральная. В политическом плане Великобритания времен королевы Виктории превратилась в стандартную конституционную монархию. Королева царствовала, но не правила, она только открывала заседания парламента. Все политические решения принимала не она, а лидеры тех парламентских фракций, которые на данный момент находились у власти, Виктория лишь подписывала те решения, которые предлагал ей парламент. У власти в это время находилась то одна, то другая партия: система получила название «партийный маятник». Фактически в Англии были две партии-соперницы: партия либералов во главе с Уильямом Гладстоуном, в Англии она называлась виги, и партия консерваторов – тори, которую возглавлял Бенджамин Дизраэли. [Эл. ресурс: <https://interneturok.ru>]

Многие историки связывают политический прогресс Великобритании в эпоху правления королевы Виктории с либералами. Либералы в это время провели много позитивных реформ. Именно они ввели тайное голосование, они отменили в 1884 году имущественный ценз на выборах (недопущение к участию в выборах лиц, не имеющих определенного дохода или определенной собственности). Это привело к созданию в Англии всеобщего избирательного права (только для мужчин). Правительство Гладстона поощряло развитие профсоюзов и создание системы полноценного начального образования в стране. [Эл. ресурс: <https://interneturok.ru>]

Именно в XIX веке Англия получает название «мастерская мира», так как ее доля в промышленном потенциале земного шара стала ведущей. В начале XIX века 45 % всех промышленных товаров изготавливалось именно на территории Великобритании. Также Англия получила титул «всемирного извозчика». Ее огромный торговый и военный флот становится не только залогом безопасности для Британских островов, но и главным инструментом, благодаря которому сообщаются друг с другом различные страны. Как

минимум половина всех международных перевозок осуществлялась в это время на английских судах. [Эл. ресурс: <http://hist-world.com>]

Великобритания стала пионером и в создании новых видов транспорта. Здесь в 1825 году появилась первая в мире железная дорога, проходившая между городами Стоктон и Дарлингтон. В 1830 году была построена железная дорога Манчестер – Ливерпуль, которая имела серьезное экономическое значение.

В эпоху наполеоновских войн возникло движение луддитов – рабочих, разрушавших фабричные машины, видя в них угрозу свои трудовым перспективам. [Эл. ресурс: <http://hist-world.com>]

К экономической нестабильности приводило также промышленное развитие других европейских государств, вступивших в фазу промышленного переворота. Они уже не так нуждались в английских товарах; в 1825 году произошел кризис перепроизводства, сильно ударивший по британской экономике.

Социальные последствия экономического развития Англии были ужасающими. Промышленные успехи Великобритании во многом достигались за счет эксплуатации труда рабочих, в т. ч. детей, чьи права никак не были защищены, при этом профсоюзная деятельность долгое время была под запретом. Условия работы на новых предприятиях были неприемлемыми. Средняя продолжительность рабочего дня на этих предприятиях составляла 13–14 часов, а иногда и 18 часов. Условия труда и продолжительность для женщин и детей ничем не отличалась от продолжительности труда для мужчин. Детский труд было выгоднее использовать, ведь детям не надо было платить столько, сколько взрослым мужчинам. Очень выгодно было использовать детский труд в шахтах: ребенку нужно меньше места в забое, чем взрослому человеку. [Эл. ресурс: <https://interneturok.ru>]

Положение стало меняться только в 1830-е годы. Внутренние проблемы общественно-политической жизни Британии привели к появлению в

середине 1830-х годов чартизма – социального движения рабочих. [Эл. ресурс: <http://www.agitclub.ru>]

Чартизм унаследовал многие традиции предшествовавшего демократического движения; он воспринял идеи Великой французской революции и движения английских радикалов - борцов за парламентскую реформу, а также некоторые традиционные формы проведения политических кампаний (созыв конвентов, митингов, подача петиций и т. п.). Однако чартисты придали борьбе за демократизацию английского государства характер пролетарской оппозиции капиталистическому строю. В этом движении проявилось резкое недовольство пролетарских масс парламентской реформой 1832 года, открывшая доступ в парламент только представителям промышленной буржуазии, и антирабочей политикой реформированного парламента:

- акт 1834 года о бедных, лишивший их иной помощи, кроме помещения в работные дома тюремного типа;
- отклонение билля о 10-часовом рабочем дне;
- революционизирующее действие экономических кризисов 1837, 1842 и 1847 годов;
- неудовлетворенность узкопрофессиональными формами предшествовавшей борьбы пролетариата, а также оуэнистскими опытами создания социалистических колоний. [Эл. ресурс: <http://www.agitclub.ru>]

Огромной заслугой движения было перенесение борьбы с буржуазией на политическую арену.

Требования чартистов были изложены в 1838 году в виде законопроекта, получившего название «Народная хартия». Они выступали за введение всеобщего избирательного права для мужчин: в то время население страны составляло более двадцати миллионов человек, а избирательное право было предоставлено лишь менее чем 200 тысячам британцам (об избирательном праве для женщин тогда не могло быть и речи). Кроме того, требования

чартистов предусматривали сокращение рабочего дня, ежегодное переизбрание парламента, что, по их мнению, привело бы к социальной справедливости и улучшению положения рабочих. Впрочем, парламент отверг все их основные пункты «Народной хартии».

После отклонения хартии чартисты пришли к выводу, что необходимо создать единую чартистскую политическую партию, которая взяла бы на себя руководство движением. Одна из чартистских организаций писала, что «все наши прежние усилия оказались бесплодными исключительно ввиду отсутствия общего центра движения». [Эл. ресурс: <http://ponjatija.ru>]

В 1840 г. чартистская партия была создана. Во главе ее стоял Генеральный исполнительный комитет, который ежегодно переизбирался. Вступающие в партию платили членские взносы, получали членские билеты. Вскоре в рядах партии насчитывалось уже около 50 тыс. человек.

Но чартисты не располагали научной теорией, объясняющей законы исторического развития и указывающей рабочему классу цели и методы борьбы. В партию принимались все желающие, если они заявляли о своем согласии с хартией. Поэтому в партии наряду с самоотверженными борцами было и много колеблющихся, главным образом выходцев из среды мелкой буржуазии, ремесленников, разорившихся крестьян. [Эл. ресурс: <http://ponjatija.ru>]

Все же для того времени создание партии было важным историческим достижением английского рабочего класса. Впервые в истории ему удалось создать массовую, независимую от буржуазии, общенациональную политическую организацию пролетариата.

Вторая половина века характеризуется резким спадом экономического развития Англии. Доля в промышленном производстве в 1840 году была 45 %, а в 1870 упала до 35,5 %. Причиной стало стремительное развитие страны в первой половине XIX века. Промышленники были уверены, что у них лучшие станки, технологии и менять их они не хотели. В то время как в России, США и Германии создавались новые фабрики и заводы, в

Великобритании даже в конце века функционировали станки ещё времен Георга IV.

Одним из самых главных вопросов середины и второй половины века был ирландский вопрос. Он заключался в том, что Ирландия хотела получить независимость от Великобритании, но там не давала ей суверенитет. Ирландцы жили в ужасных условиях, в середине века был великий мор и голод, от чего погибло почти 1 млн жителей и 2 млн мигрировали в США. В 1870 году власти приняли специальный Земельный акт для Ирландии, в котором было запрещено поднимать цены на хлеб выше установленных пределов.

В Великобритании самая уникальная история связей между государством, обществом и бедняками. XIX век можно характеризовалось частыми, масштабными дебатами по вопросам нищеты. В 1834 году все отчисления в пользу бедных были прекращены, и было положено начало «антисоциальной политике» работных домов. Однако именно это повлияло в итоге на распространение идеи социального либерализма в XX веке. Тогда же были проведены реформы, на которых основывалась модель социально-экономического и политического устройства середины XX века.

I.2. Биография Чарльза Диккенса и формирование его общественно-политических взглядов

Чарльз Диккенс является одним из величайших писателей Англии, гуманистом и признанным во всём мире классиком литературы. Его проза пропитана остроумием, которое оказало большое влияние на формирование специфической черты национального характера и образа мысли, который мы знаем сейчас как «английский юмор». Понять, какие именно мотивы повлияли на публицистическое творчество Диккенса, рассмотрим его биографию.

Писатель родился 7 февраля 1812 года в Лендпорте, недалеко от Портсмута. Отец Чарльза был обеспеченным чиновником, в какой-то мере легкомысленным, но добродушным и весёлым человеком, любившим комфорт и свою семью. Он окружал своих детей любовью и заботой, стараясь, чтобы они ни в чем не нуждались. Чарльз унаследовал от отца богатое воображение, легкость слова, а от матери, на которую падали все житейские семейные заботы, – серьёзность и мудрость. Ещё в раннем детстве родители заметили у маленького Диккенса невероятную способность к творчеству, и отец заставлял его разыгрывать сценки, читать стихи, импровизировать, что развило в нём самолюбие и тщеславие. [Эл. ресурс: <https://www.livelib.ru>]

Однако случилось так, что вскоре семья разорилась. Отец стал банкротом и попал на долгие годы в долговую тюрьму, и матери пришлось в одиночку содержать всю семью. Чарльз, изнеженный любовью родителей, попал на фабрику по производству ваксы, и некоторое время проработал там. Всю последующую жизнь он считал эти события роковым ударом и оскорблением для себя и всей семьи, не любил об этом распространяться. Но именно здесь, на дне и в нищете, и развилось его бесконечное сострадание к нуждающимся, бедным и униженным. Укоренилось глубокое знание о жизни, понятие о справедливости и нескрываемая ненависть к власти имущим, от которых низшие классы претерпели достаточно жестокости. Чарльз был честолюбив: им овладевали мечты о том, чтобы вернуть своему роду былое благосостояние и даже перерастить его, отвоевать былую свободу и счастье. [Эл. ресурс: <https://www.livelib.ru>]

Юного Диккенса привлекала деятельность репортёра. В то время происходили бурные политические события, расширилась политическая жизнь, и всё это отражалось в публицистических текстах, поэтому у английской публики возрос интерес к прессе. Увеличился тираж газет и журналов, появились рабочие места. Диккенс стремительно начал подниматься как репортёр, ему достаточно было лишь написать несколько

пробных текстов, чтобы его заметили. Его богатый язык, уместная ирония и живость изложения поражали коллег. Таким образом он ухватился за газетное дело и мог проводить в массы свои идеи, выходявшие из-под его пера. Литература и публицистика явились для него той лестницей, по которой он надеялся подняться на вершину общества, и, кроме того, он совершал это во имя угнетённых и во благо всего человечества. [Эл. ресурс: <https://www.livelib.ru>]

Творчество Чарльза Диккенса исследователи делят на четыре основных периода.

Первый период (1833—1837). «Очерки Боза» и «Посмертные записки Пиквинского клуба», где уже четко определяются, во-первых, сатирическая направленность творчества Диккенса, ранние ростки сатирических полотен зрелого публициста; во-вторых, антитеза «добра и зла», выраженная «в споре между Правдой — эмоциональным восприятием жизни, основанном на воображении, и Кривдой — рациональным, интеллектуальным подходом к действительности, основанном на фактах и цифрах».

Следует сказать несколько слов об иронии, которую Диккенс использует в своих публикациях. Во-первых, ирония в Большой Советской Энциклопедии определена как *«выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение»*. [Цит. по: Большой Энциклопедический словарь, <http>] Там же: *«Ирония есть поношение и противоречие под маской одобрения и согласия; явлению умышленно приписывают свойство, которого в нём нет, но которое надо было ожидать. Иногда, притворяясь, говорят о должном, как о существующем в действительности»*. [Цит. по: Большой Энциклопедический словарь, <http>] Ирония содержит недовольство писателя окружающим миром, раскрывает истинную сущность авторских побуждений к написанию материала и позволяет глубже осмыслить рассматриваемый предмет.

Второй период (1838—1845) Диккенс выступает реформатором жанра романа, расширив сферу детской тематикой. Первым в Европе на страницах своих романов стал изображать жизнь детей. Образы детей входят в качестве составной части в композицию романов, углубляя как их социальное, так и художественное содержание. Тема детства в его романах напрямую связана с темой «больших надежд», которая становится центральной не только на этом этапе творчества, но продолжает звучать с во всех последующих художественных произведениях.

Обращение Чарльза Диккенса в этот период творчества к исторической тематике («Барнаби Радж») объясняется, прежде всего, попыткой публициста осознать чартизм сквозь призму истории и найти альтернативу «злу» в сказочных сюжетах («Лавка древностей», цикл «Рождественские рассказы»). По сути, постижению современной Англии посвящена книга очерков «Американские заметки». Поездка Америку расширила географический кругозор писателя и дала возможность взглянуть на Англию со стороны. Этот период творчества писателя ознаменовался созданием следующих произведений: «Оливер Твист» (1838), «Николас Никклби» (1839), «Лавка древностей» (1841), «Барнеби Радж» (1841), «Американские заметки», «Мартин Чезлвит» (1843) и циклом «Рождественских рассказов» («Рождественская песнь», 1843, «Колокола», 1844, «Сверчок на печи», 1845 и др.).

Третий период (1848—1859) характеризуется углублением пессимизма писателя. Меняется техника письма: ее отличает большая сдержанность и продуманность приемов, в изображении художественных картин решающее значение приобретает деталь. Вместе с этим углубляется реалистическое исследование детской психологии. В целом творчество Чарльза Диккенса в этот период ознаменовало качественно новый этап в истории развития английского реализма — психологический. Появляется новая этическая категория — нравственная пустота.

В этот период творчества вышли в свет зрелые романы писателя: «Домби и сын» (1848), «Дэвид Копперфилд» (1850), «Холодный дом» (1853), «Тяжелые времена» (1854), «Крошка Доррит» (1857), «Повесть о двух городах» (1859).

Четвертый период (1861—1870) В этот период Диккенсом созданы два шедевра: «Большие ожидания» (1861) и «Наш общий друг» (1865). В этих книгах не встретишь мягкого юмора, присущего Диккенсу в начале творческого пути, он сменяется безжалостной иронией. Тема «больших надежд» позднего Диккенса превращается в тему «утраченных иллюзий», только в ней больше горечи, иронии и скепсиса. Разбитые надежды не спасает даже диккенсовское пламя домашнего очага. Но этот результат крушения «больших надежд» интересует Диккенса — художника и моралиста уже все больше не в плане социальном, а скорее в нравственно-этическом.

Первые очерки Диккенса, получившие название «Очерки Боза», вышли в печать в 1836 г. — беллетристическая декларация, провозглашающая интересы разоряющихся буржуа. В основном это были психологические зарисовки, портреты жителей Лондона. Настоящую известность в том же году ему принесли напечатанные первые пять глав его «Посмертных записок Пиквского клуба». Вся Англия смеялась над курьёзами Пиквиады. Через пару лет вышли «Оливер Твист» и «Николас Никльби», и слава писателя выросла моментально. В нем видели своего единомышленника и либералы, защищавшие свободу, и консерваторы, указывавшие на несправедливость и жестокость общественных взаимоотношений. [Эл. ресурс: <https://www.livelib.ru>]

Как романы, так и публицистика Диккенса преследовали одну и ту же цель: пробуждать ненависть ко всем проявлениям несправедливости общества и учить людей добру. Писатель осознавал, что настолько колоссальные просветительские цели и нравственно-воспитательные

задачами не в силах справиться один человек. Поэтому всё время вокруг него были публицисты и литераторы, способные оказать ему поддержку в стремлении создать ту литературу, которая могла бы воздействовать на сознание народа и изменять его в лучшую сторону.

Диккенс издавался в еженедельнике "Экзэминер" (The Examiner) – одном из самых прогрессивных органов английской печати в первой половине XIX в. Редактором журнала стал Джон Форстер, лучший друг Диккенса и после его смерти – первый биограф. "Экзэминер" был органом радикальной буржуазной демократии, и Диккенс сотрудничал с ним на протяжении 1838-1849 гг. Ему хотелось самому издавать газету или журнал, определять идейную и художественную линию. В 1845 г. Чарльз Диккенс замышляет издавать еженедельный литературно-политический журнал "Сверчок". Его намерение так и осталось неосуществленным: публицисту предложили место редактора газеты "Дейли Ньюс" (Daily News). Диккенс сразу же берется за работу и 21 января 1846 г. выходит его первый номер. Газета имела радикально-реформистскую направленность: выступала за отмену отживших социальных стандартов и законов, в том числе отмены хлебных пошлин, тяжелой ношей народа. Вместе с этим в ней поддерживали выгодный для буржуазии принцип свободы торговли, а также позиции либералов. [Эл. ресурс: <http://psujourn.narod.ru>]

Участие Диккенса в газете с таким направлением кажется немного непоследовательным, ведь все его романы были антибуржуазными. Однако он видел всю эту политическую кухню изнутри, был знаком со всей системой сам, и, таким образом, разбирался в тех вопросах, которые поднимал в своих публикациях. Тем не менее, это работа отнимала у Диккенса немало нервов и душевных сил, и уехал в отпуск в Швейцарию. Временным редактором стал Джон Фостер, но через некоторое время Диккенс перестал вовсе интересоваться «Дейли Ньюз» и полностью снял с себя руководство. [Эл. ресурс: <http://psujourn.narod.ru>]

После поездки в Америку, где публика приняла его с таким же восторгом, как и английская, Диккенс пишет «Мартина Чезлвита» и становится редактором «Daily News», где выражает свои взгляды на общественно-политический строй. Годы спустя писатель поднимается на вершину своей славы. О таких как он, говорят, что судьба одарила его очень щедро: он стал великим писателем, разбогател и не только вернул своей семье былой статус, но даже приумножил его. [Эл. ресурс: <http://psujourn.narod.ru>]

В 1870 г. 9 июня Диккенс умирает от инсульта в возрасте пятидесяти восьми лет. Истощенный колоссальным трудом, стрессом и довольно беспорядочным образом жизни, организм литератора не справился с нагрузкой. Но слава после его смерти только продолжала расти. Имя Диккенса ставили в один ряд с именем Шекспира, в последующие двадцать лет он был даже популярнее, чем Байрон. Однако не все до конца понимали, что же на самом деле представлял собой писатель. Для многих Диккенс являлся лишь «великим юмористом», но его мученический протест, его гневные метания между жизненными противоречиями остались в стороне. Юмор для публициста был тем щитом, которым он пытался укрыться от ударов, ранящих его до глубины души и связанных с устройством социально-политической системы. Как сказал Джонатан Фоер, один из величайших постмодернистов XXI в., *«юмор – это единственный правдивый способ рассказать печальную историю»*. [Цит. по: Фоер Д. С., Полная иллюминация, 2007]

Сбор и переиздание всех публицистических произведений и выступлений Диккенса был осуществлен уже после его смерти. В частности, Ф. Киттон, один из первых исследователей творчества Диккенса, в 1898 г. издал сборник «Для чтения в сумерках и другие рассказы, очерки и статьи Чарльза Диккенса». Через десять лет издательство «Челмен и Холл», куда писатель всегда отсылал свои произведения для печати, выпустило целый том его публицистических статей. В 1937 г. они были переизданы в более

авторитетном издании «Нонсач Диккенс», куда вошли ещё речи публициста. Р. Шеппард также собрал и издал речи Диккенса сразу же после его смерти в том же году. [Эл. ресурс: <http://psujourn.narod.ru>]

Выводы: Чувство гражданского долга всегда было присуще писателю, и это можно проследить не только в его публицистике, но и в литературе, которая имеет в себе публицистические мотивы. Зачастую Диккенсу нередко приходилось отрываться от написания романов, чтобы выдать очередную статью или речь, ведь он понимал, что это намного важнее. Нельзя сказать, что публицистическая деятельность была лишь кратким эпизодом в биографии этого великого человека: она помещена в два солидных тома, и охватывает период в почти тридцать лет его жизни.

Диккенс выступал против всех социальных несправедливостей и действовал в первую очередь в интересах того общества, в котором он жил и которое надеялся изменить к лучшему. Проследив условия, в которых ему пришлось творить, было обнаружено, что его содержание его произведений напрямую зависело от той среды, где он жил. Диккенс был незаурядным человеком, ему была небезразлична судьба своих соотечественников и их проблемы, в первую очередь, потому что в детстве ему самому выпало на долю претерпеть множество трудностей. Кроме того, проработав какое-то время в газете для буржуазных слоёв общества, он изнутри изучил всю систему его ценностей и принципы функционирования. Поэтому публицист очень хорошо разбирался в том, о чём писал.

Тяжёлые социально-экономические условия не позволяли развиваться обществу в достаточной степени, и большая часть страны находилась в чудовищно отсталом духовном состоянии. Рабочие были недовольны условиями труда, создавались партии, объединявшие огромное количество людей, но все они были лишь пешками в игре богачей. Чарльз Диккенс прекрасно понимал, что власть пользуется невежеством своего народа, облагая жителей необоснованно высокими налогами и наживаясь на них. И

именно Диккенс был одним из тех, кто не хотел мириться с таким положением дел, и выражал он это через свою публицистику.

Глава II. ИДЕЙНОЕ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

II.1. Реализация гражданского пафоса в речах Диккенса

Стоит отметить, что Чарльз Диккенс обладал поистине действенным красноречием. Выходя на сцену и начиная произносить очередную речь, он мгновенно завладевал вниманием публики и не отпускал его до самого конца выступления. По той же причине он любил устраивать чтения своих собственных произведений, на чём неплохо зарабатывал. Читатели любили его незабываемые произведения, но ещё больше им нравилось, когда сам автор читал их своим голосом, выделяя те моменты, на которых он задумывал акцентировать внимание.

Выступая на банкете 25 июня 1841 г., в его честь, публицист обозначил мотивы, двигавшие им. Он собирался *«сделать так, чтобы в мире стало больше безобидного веселья и бодрости <...>, отыскать зерно добра, которое Творец заронил даже в самые злые души <...>, показать, что добродетель можно найти и в самых глухих закоулках, что неверно, будто она несовместима с бедностью, даже с лохмотьями»*. Он был оптимистом по сути и верил в простую истину: *«мир достоин не только презрения; что в нем стоит жить, и по многим причинам»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1841, [http](#)]

Также довольно важен индивидуальный аспект личности писателя. В той же речи он говорил: *«Если <...> мне хоть в малой мере удалось внушить молодым умам более светлые мысли о смерти или утолить скорбь, терзающую сердца стариков; если хоть одно из написанных мною слов может утешить и порадовать молодых или старых в час испытаний, - я буду считать, что достиг чего-то такого, на что мне отрадно будет оглянуться в последующие годы»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1841, [http](#)]. Эти слова раскрывают Чарльза как искреннего, человеколюбивого и

благодарного за отклик автора, которому небезразлична судьба своих читателей, ведь он пишет для них.

Хотя Диккенса всегда занимали общественно значимые проблемы, открытой политической борьбы он чуждался. Он верил и хотел внушить эту веру другим, что добродетель есть даже в таких слоях общества, где все обездолены до крайней степени. Выступая 7 февраля 1842 г. с речью на банкете в его честь в Соединенных Штатах, Диккенс открыто высказал: *«Мои нравственные идеалы - очень широкие и всеобъемлющие, не укладывающиеся в рамки какой-либо секты или партии... Я верю, что наша жизнь, наши симпатии, надежды и силы даны нам для того, чтобы уделять от них многим, а не кучке избранных. Что наш долг - освещать ярким лучом презрения и ненависти, так чтобы все могли их видеть, любую подлость, фальшь, жестокость и угнетение, в чем бы они ни выражались»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1842, [http](#)]

Ещё одной сильной чертой Диккенса как публициста была его горячность. В своих выступлениях он не только набрасывался с нападками на систему социально-политического устройства, но с таким же пылом восхвалял людей, творческая деятельность которых принесла немалые плоды обществу. *«Да знаете ли вы, джентльмены, что я не менее двух раз в неделю, <...> отправляясь спать, я уношу с собой под мышкой Вашингтона Ирвинга; а если не его, так его ближайшего родича, его родного брата - Оливера Гольдсмита. Вашингтон Ирвинг! Не он ли владел моими мыслями, когда я на днях подплывал к вашему городу на пароходе»*. [Цит по: Диккенс Ч., 1842, [http](#)] Это была его речь на очередном банкете в его честь в Америке. Нельзя не отметить тот факт, что Диккенс был одним из борцов за всеобщее принятие усовершенствованного международного авторского права. Писатель неоднократно выступал в защиту авторских прав творческих деятелей, в том числе на банкете в США. Диккенс возлагал большие надежды на Новый Свет, всячески старался продвигать там свои идеи. Он считал, что, американская писательская верхушка поймёт важность принятия

международного авторского права: *«Гост за литературу Америки. Эта страна умеет чтить свою собственную литературу и оказывать честь литературе других стран»* [Цит по: Диккенс Ч., 1842, [http](#)] Но, как можно заметить в его письмах, даже в США его идею о борьбе с плагиатом и «пиратскими изданиями» не восприняли с особым энтузиазмом. На следующий же день после выступления на банкете в его честь в «Таймс» писали: *"Мы не нуждаемся ни в чьих советах по вопросу об авторском праве, и мистеру Диккенсу было бы лучше вовсе не касаться этой темы"*. [Цит. по: Аникст А. А., 1960, [http](#)]. Американская пресса развила политику против Диккенса, его обвинили в неблагодарности, корысти и злоупотреблении американским гостеприимством, приходили угрожающие письма от анонимов. Впоследствии публицист отзывался об Америке: *«Не такую республику я надеялся увидеть. Это не та республика, которую я хотел посетить; не та республика, которую я видел в мечтах. По мне либеральная монархия — даже с ее тошнотворными бюллетенями — в тысячу раз лучше здешнего управления»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1842, [http](#)].

Чарльз Диккенс выступал в поддержку всего, что могло привести к просвещению тёмной части народа и улучшению условий его жизни. В выступлении «На вечере школы для рабочих» писатель искренне радовался тем немногочисленным успехам, которых удавалось достичь: *«Не последним из преимуществ этой школы - и уж во всяком случае, не последним из ее преимуществ для общества - я считаю то, что отцы, при условии ежегодного взноса в одну гинею, могут отдавать сюда своих несовершеннолетних сыновей, а хозяева, уплачивая в год совсем уже скромную сумму - всего пять шиллингов, - точно так же могут отдавать сюда своих подмастерье»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, [http](#)] Диккенс полагал, что становление сознания человека начинается именно со школы, и поэтому говорил о необходимости в поиске хороших преподавателей, которые смогут терпеливо обучать таких людей; новых программ, и вообще радикальных изменений в сфере образования для искоренения худшего бича общества —

невежества. *«Если уж здесь не будет взаимной терпимости между классами, то где же еще можно усвоить этот великий урок»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, [http](#)]

Как уже было сказано, Диккенс потрясающе точно выявлял и описывал пороки своего социума. В речи «На вечере политехнической школы» читаем: *«Я считаю, что, если какое-либо общество изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение упорно карает людей за то, что они не блещут добродетелями и совершают преступления, но притом не указывает им пути к добродетельной жизни, такой образ действий не опирается ни на правосудие, ни на религию, ни на правду»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, [http](#)] В той же речи Диккенс снова касается проблемы, красной нитью протянувшейся во всей его публицистике: *«На свете есть очень могущественный дух, Дух Невежества, уже давно заключенный в сосуд Тупого Небрежения, в состав которого входит немало свинца, и запечатанный печатью многих, многих Соломонов. <...> Освободите его вовремя, и он принесет обществу пользу, укрепит его, вольет в него новую жизнь; но дайте ему пролежать еще и еще под волнами лет, и его слепая месть обернется для вас гибелью»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, [http](#)] Можно и нужно рассеять темноту в умах большей части населения страны – вот что пытался донести Диккенс.

Речь «В защиту больницы для детей» 1858 г. произвела большое впечатление на слушателей. Публицист призывал собравшихся пожертвовать деньги в открывшуюся детскую больницу, где находились дети бедняков, которые не могли себе позволить пользоваться какими-либо медицинскими услугами. *«Две угрюмые няньки, Болезнь и Бедность, приведшие сюда этих детей, присутствуют при их рождении, качают их убогие колыбели, заколачивают их гробики, насыпают холмики земли над их могилами. Из ежегодного количества смертей в этом городе больше трети составляет смерть в противоестественно раннем, детском возрасте»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1858, [http](#)] Обращаясь от имени и лиц детей, которые не могут

сами встать на свою защиту, Диккенс использует прямую речь умирающего младенца, говоря, что прочёл эти слова в обращенных к нему внимательных детских глазах: *«Он лежал и смотрел на нас, говоря своим молчанием более проникновенно, чем любой красноречивый оратор: "Скажи мне, прошу тебя, чужой человек, что все это значит? И если тебе известно, почему я так рано, так быстро ухожу к Тому, кто сказал: «Пустите детей приходить ко мне и не препятствуйте им" *», - но едва ли считал, что они должны приходить к Нему такой трудной дорогой, какой иду я, - прошу тебя, открой мне эту причину, потому что я очень стараюсь до нее доискаться и очень много об этом раздумываю и по сей день»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1858, <http>] В результате ему удалось собрать довольно приличную сумму для больницы.

В той же речи он, из-за крупного пожертвования от одной женщины, произнёс слова: *«Мало хорошего можно было бы осуществить, не будь на свете женщин. В свое время мне указывали на то, сколько сумел сделать Робинзон Крузо, будучи холостяком. Однако я, основательно изучив авторитетные источники, обнаружил, что на самом деле у этого достойного человека было целых две жены»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1858, <http>] Диккенс вообще очень нежно и уважительно относился к слабому полу. Сострадание ко всему живому в его сердце было столь велико, что он опубликовал статью «Призыв к падшим женщинам», посвящённую специально тем девушкам, которым пришлось встать на путь разврата из-за капиталистических порядков, обрёкших их на такую участь: *«Эта дама не хочет, чтобы молодые обительницы ее приюта были лишними в мире после того, как они раскаются и вернуться на путь добродетели; наоборот, она стремится к тому, чтобы они стали полезными обществу на радость себе и ему; и поэтому, когда с течением времени они своим поведением докажут, что действительно исправилась, им будет дана возможность уехать за море и в какой-нибудь далекой стране стать верными женами честных людей и после долгой мирной жизни спокойно умереть»* [Цит. по:

Диккенс Ч., 1853, [http](#)] Целью обращения Диккенса было завербовать клиенток для женского приюта, открытого его знакомой, в благотворительных начинаниях которой Диккенс принимал огромное участие.

II.2 Реализация идейного множества в нравственно-этическом контексте статей Диккенса

С самого начала своей деятельности на писательском поприще Диккенс заявил, что главной задачей для него является служение интересам общества, прежде всего тем, кто больше всего страдает от несправедливостей. Как уже было сказано в первой главе, знаменитый английский юмор был специфическим способом отображения общественных реалий для Диккенса. В одной из публикаций можно проследить эту идею – в «Возвращении на сцену подлинно шекспировского Лира» писатель отождествляет себя с шекспировским шутком из пьесы «Король Лир»: *«Его находчивые, язвительные и умные шутки, его несокрушимая преданность, его необыкновенная чуткость, его скрывающий отчаяние смех, безмолвие его печали <...> заключают в себе благороднейший замысел, на какой только способны ум и сердце человека»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1838, [http](#)]. Далее он разъясняет, в чём состоит сама идея и почему именно она благородна. Дело в том, что одной из главных причин нищеты и самым опасным человеческим пороком Диккенс считал невежество, и через свои публицистические произведения старался донести до общественности, что именно её в первую очередь необходимо искоренять. Но обычная публика знает его, в первую очередь, как литератора – искренне сочувствующего их бедам и невзгодам – потому что он пишет для неё и о ней. *«Эти невыносимые страдания, непостижимо величественные и ужасные, должны быть оттенены и смягчены тихой грустью, объяснены зрителям на более близком и*

доступном примере». [Цит. по: Диккенс Ч., 1838, [http](#)] Вообще сама эта статья была написана в поддержку шекспировской пьесы «Король Лир», поставленной в театре Макриди, английском писателе и актёре, талантливым исполнителе классических ролей, с успехом игравший в Европе.

Через 5 лет Диккенс снова пишет про театр Макриди, на этот раз отдавая честь его блестящей игре в роли Бенедикта. Писатель говорит о его незаурядной игре, не совсем обычной: у Макриди была своя собственная концепция актёрской игры, поэтому тот Бенедикт, которого все представляли, читая Шекспира, несколько отличался на сцене, когда его играл этот актёр. Но Диккенс поощряет Макриди, говоря, что *«публика в зале уже поняла, что до самого конца будет с восторгом следить за этим новым Бенедиктом - таким оригинальным, живым, деятельным и обаятельным»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1843, [http](#)] Если копнуть глубже, мы поймём, что Диккенс был сторонником нововведений, которые так или иначе усовершенствуют не только общественно-политическое, но и культурное устройство.

Блестяще высмеивает Диккенс способы воспитания детей капиталистов и аристократов в «Докладе комиссии, обследовавшей положение и условия жизни лиц, занятых различными видами умственного труда в Оксфордском университете». Публицист делает кристально прозрачной природу воспитания тех, кому однажды в руки будет передана власть и влияние: *«Вполне справедливо решено, что сравнение мрака, царящего в колледжах, с мраком шахт и вредной атмосферы храма науки с атмосферой храмов труда будет весьма полезно для общества и, возможно, откроет ему глаза на многое»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1843, [http](#)] Автор предлагает изменить названия ученых степеней – дипломированных руководителей на *«бакалавров идиотизма»*, *«докторов церковного пустословия»* и т.д. ведь у них нет собственных мыслей, они все похожи друг на друга в своем *«отупляющем скудоумии»*, и им *«требуется не умение самостоятельно мыслить, но лишь присущая даже попугаю способность подражать»*.

Отдельно писатель касается темы религиозности, которая приводит к тупому фанатизму *«На вопрос, считают ли они, что для небес или для всего сущего имеет важное значение, надевает ли в определенный час смертный священник белое или черное одеяние, поворачивает ли он лицо к востоку или к западу, преклоняет ли свои бранные колени, или стоит, или пресмыкается по земле, ответили: "Да, считаем". А когда их спросили, может ли человек, пренебрегавший подобной мишурой, обрести вечное упокоение, дерзко ответили: "Нет!"»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1843, [http](#)]

Законы о хлебных пошлинах, принятые в Англии в начале века, катастрофически влияли на состояние бедняков. В статье «Интересы сельского хозяйства» Диккенс пишет, что крик нищих о помощи *«слышится в стонах, доносящихся по ночам из богаделен, где на кучках соломы спят обездоленные; его мы читаем на изможденных, землистых от голода лицах, превращающих наши улицы в приют ужаса; он звучит в благодарственной молитве, которую бормочут исхудалые арестанты над своей скудной тюремной трапезой; он начертан страшными письменами на стенах тифозных барачков; нетрудно увидеть его следы во всех цифрах смертности»*. И тут же прибавляет, что *«все это неопровержимо доказывает, что против несчастных сельскохозяйственных интересов создается обширнейший заговор»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, [http](#)]

Публицист горько иронизирует над правительством, которое прикрывается якобы сельско-хозяйственными интересами, но на самом деле жестоко грабят свой же народ, из-за чего в стране голод и мор. С хлебными пошлинами боролись на протяжении тридцати лет, в результате чего всеобщими усилиями удалось добиться снижения стоимости налога с 80 шиллингов до одного, а позднее и вовсе его отменить.

Стоит отметить, что несмотря на убеждения Диккенса в необходимости наказания для настоящих преступников, он, тем не менее, был ярким противником смертной казни. На поставленный вопрос о том, можно ли считать смертную казнь побуждением к тому, чтобы совершить убийства

разного рода, будь то месть, известность, или же просто желание убрать помеху с пути, автор развёрнуто отвечает положительно. Он, сам бывавший на казнях, видел, какие люди приходят посмотреть на смерть преступника. По его словам, эта толпа состоит из *«всевозможных негодяев, пьяниц, бездельников - мужчин и женщин, дошедших до последней степени падения, людей с болезненным складом ума, испытывающих непреодолимую тягу к таким ужасным зрелищам; и тех, кого влечет простое любопытство, но чей нежный возраст и впечатлительность по большей части делают удовлетворение этого любопытства крайне опасным и для них самих, и для общества»* и воров, которые приходят туда только чтобы *«обчистить карманы»* граждан. [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, [http](#)] Исходя из того, о чём пишет Диккенс, мы видим, что правительство само толкает людей на убийство, ведь они все равно однажды умрут, так почему бы не попасть перед этим в газеты? В конце писатель прямо говорит: *«Я хотел бы заметить, что ратую за полное уничтожение смертной казни, как за общий принцип, во имя блага общества и предупреждения преступлений, а не из интереса или сочувствия к какому-либо определенному преступнику»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, [http](#)]

Чарльз Диккенс участвовал в общественной жизни не только на словах, используя свои публикации как рупор. Он интересовался, чем живёт народ и как ему помочь, и сам посещал школы для нищих, тюрьмы, больницы для бедных. Побывав в одной из школ для нищих, писатель охарактеризовал в статье «Преступность и образование» эти места, являвшиеся средоточием невежества и духовной темноты: *«Лично мне не нравится то, чему - насколько я могу судить - там учат: ученики получают слишком мало практических знаний и им преподают слишком много богословских тонкостей, непосильных для умов, не подготовленных к их восприятию»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1846, [http](#)] Очень красноречива фраза автора: *«с каким ужасающим равнодушием бросает государство на произвол судьбы тех, кого оно только наказывает, хотя с большей легкостью и меньшими*

расходами могло бы вырвать из тьмы невежества и спасти». В этой статье публицист также провозглашает первейший принцип гуманизма – равенство всех людей, к которому власть имущие относятся совершенно наплевательски. Среди этих детей, пишет Диккенс, «мог бы по велению судьбы оказаться ребенок любого человека на земле, как бы ни был высок его сан, если бы этого ребенка обрекли на такое детство, какое выпало на долю этих падших созданий!» [Цит. по: Диккенс Ч., 1846, [http](#)]

Та же тема поднимается и в публикации «Невежество и преступность». Автор приводит слова: *«Пусть государство предупреждает злодеяния и уничтожает поводы к нарушению законов заботами о благе своих подданных, а не смотрит равнодушно, как количество преступлений все возрастает, чтобы затем карать за них». И здесь же выводится снова идея религиозного фанатизма: «Христианские секты и вероисповедания продолжают свои распри, предоставляя и без того полным тюрьмам снова и снова наполняться людьми, которые впервые познают блага образования в этих мрачных стенах» [Цит. по: Диккенс Ч., 1848, [http](#)]*

Чарльза Диккенса далеко не всегда воспринимали серьезно. Большинство видело в нём только «доброе дядюшку» английской литературы, но никак не выдающегося публициста и человека, сердце которого было полно благородной страсти и рвения. Если внимательно взглядеться в портреты Диккенса, можно увидеть, как стремительно его лицо теряло очарование молодости, как морщины усталости, сомнений, тяжёлых раздумий о судьбах несчастных легли на его черты. Он уже в 32 года в статье «Угрожающее письмо мистеру Томасу Гуду» в самом названии добавляет *«от некоего почтенного старца»*. В самой публикации говорится об обмельчании правительства Англии и о том, как это повлияет в дальнейшем на страну: *«Конституция разобьётся, сэръ (в морском смысле этого слова), о вырождение рода человеческого в Англии и о его превращение в смешанное племя дикарей и пигмеев»* Для лучшей образности автор прибегает к сравнению чиновников с карликами и дикарями: *«Все растущее количество*

карликов прежде всего скажется на департаменте, ведающем вербовкой солдат на службу ее величества. Волей-неволей придется уменьшить строевой рост, а карлики тем временем будут становиться все меньше и меньше, и вульгарное выражение "от горшка два вершка" превратится из фигурального в буквальное; для отборных полков, и особенно для гвардии по всей стране будут специально разыскивать самых низеньких людей, и в двух крохотных воротах конногвардейских казарм два Тома-с-Ноготок будут каждый день нести караул верхом на шотландских пони. Сменять их будут (как Тома-с-Ноготок в перерывах между его выходами) дикие люди, так что британский гренадер грядущих дней либо сможет уместиться в квартовой кружке, либо будет носить имя вроде Старины, Голубой Чайки, Летучего Быка, как и подобает дикому вождю подобного сорта». [Цит. по: Диккенс Ч., 1844, <http>]

В статье «О судебных речах» публицист обличает и судебную систему. В доказательство Диккенс приводит пример одного дела, где судья утверждает, будто бедняки потребляют достаточное количество мяса, что показывает высокий уровень жизненных благ в стране. Диккенс выражает негодование, говоря о том, что в год, который приводит в пример судья, когда вся парижская элита набивала животы мясом, был ужасный голод и мор среди простого населения: *«Судья Олдерсон берет именно этот - 1789 - год, делит количество мяса, съеденного населением Парижа, на равные доли, с детской наивностью сообщает присяжным, что на одного человека приходилось 147 фунтов мяса, и считает это доказательством высокого уровня жизненных благ, которыми пользовался простой народ»*. Автор утверждает иносказательно, что в основном все судьи продажные и определяют судьбы людей лишь согласно собственным интересам. Самое ужасное во всей этой системе, что она пользуется невежеством нищих слоёв общества.

Главным событием для всей Великобритании стала Крымская война. Диккенс утверждал, что правительство вело её весьма бестолково. Во

внутренних делах страны писатель также видит множество недостатков и неумолимо их критикует. Так, во время эпидемии холеры, власть бездействовала, и в 1854 г. Диккенс пишет статью «К рабочим людям», в которой звучит своеобразный призыв к революции: *«Только оказав давление на правительство и можно вынудить его исполнить свои первейший долг - исправить страшное зло, которое представляют собой нынешние жилища бедных. <...> Мы обращаемся к рабочим людям Англии, преисполненные искренности, душевного сочувствия и горячего желания помочь им занять принадлежащее им по праву место в общей системе, ибо назначение этой системы - объединить всех, и способствовать тому, чтобы каждый мог быть счастлив в тех границах, которые проложены неизбежным различием в общественном положении людей. Пришло наконец время, когда каждый рабочий человек, опираясь на помощь и поддержку друзей, должен подняться на борьбу, на борьбу без насилия, без несправедливости, без побежденных, на борьбу, из которой победителем должно выйти все наше общество в целом»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1854, <http>]. Во многом эта статья схожа с речами, которые он произносит на выступлении – здесь писатель обращается непосредственно к английскому пролетариату и разговаривает так, будто находится с ними один на один.

Несмотря на такое откровенно революционно настроенное высказывание, Диккенс не был чартистом. Он считал необходимостью разработать новые реформы для улучшения жизни бедных и обездоленных, и ещё для того, чтобы отвлечь всеобщее внимание от чартистского движения. Публицист усматривал в их деятельности ровно то же самое, что и в деятельности всех богачей: чартистам нужны были рабочие люди только ради достижения собственных целей. Обратимся ещё раз к статье «О судебных речах», где в самом первом абзаце Диккенс пишет: *«Вряд ли необходимо упоминать, что мы не питаем ни малейшей симпатии как к крылу физической силы чартизма вообще, так и к арестованным и осужденным чартистам крыла физической силы в частности. Не говоря*

уже о жестокости их планов, которым они с такой легкостью и охотой готовы были следовать (даже если поверить, будто эти неслыханные мерзости были подсказаны им иностранными шпионами, сумевшими воспользоваться их тупым невежеством), они помимо всего нанесли такой вред делу разумной свободы в мире, что их нельзя не признать врагами общественного блага и недругами простого народа» [Цит. по: Диккенс Ч., 1848, [http](#)].

Вышеупомянутая статья не является единственным доказательством негативного отношения Диккенса к чартизму. В «Рая в Тутинге» разъясняется, каково на самом деле отношение чартистов к беднякам: *«Вожжаки чартистов, ныне отбывающие различные наказания в различных тюрьмах, находили основное большинство своих слушателей среди недовольных бедняков. Виднейшие из чартистских вожжаков не могли сослаться в свое оправдание на нужду, но их лживые призывы были обращены к бесчисленным труженикам, страдающим от социальных несправедливостей, которых невозможно избежать, и от сложного положения в отечественной торговле, которое им трудно объяснить»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1849, [http](#)]. Хотя основная тема статьи не о чартистах, всё же эта мысль даёт некоторое представление о настороженном диккенсовском видении представителей этого движения.

В 1849 году было опубликовано несколько статей о чудовищном инциденте, имевшем место в английской провинции Тутинг. Главным героем «Рая в Тутинге» и «Фермы в Тутинге» был некий мистер Друэ, он же являлся владельцем фермы, в которой находилось большое количество детей бедняков. В начале статьи Диккенс в своей излюбленной манере проводит тонкую сатиру на Друэ: *«Из всех подобных ферм мира тутинговская была самой восхитительной. Из всех владельцев подобных ферм мистер Друэ был самым бескорыстным, ревностным и безупречным. Из всех чудес, ведомых миру, самым невероятным было, пожалуй, появление подобной страшной болезни и быстрое ее распространение в столь образцово*

устроенном заведении. Эпидемия разразилась совершенно неожиданно. Ничто ее не предвещало. Опекаемые дети спали сладким сном покоя и довольства; опекающий их мистер Друэ спал сладким сном человека с чистой совестью, но ни на минуту не смыкал одного глаза, дабы не спускать его с источаемых им благодеяний и счастливых деток» [Цит. по: Диккенс Ч., 1849, [http](#)]. Затем тон статьи меняется на трагически-обвинительный, ведь публицист одновременно искренне жалеет детей, которым пришлось умереть в непередаваемо ужасных условиях, и обрушивает своё негодование на мистера Друэ, по чьей вине это произошло. «Чрезвычайная духота, спертость воздуха и смрад в пресловутом земном раю, который он возглавляет, "превосходят гнусностью все, что инспектору когда-либо доводилось встречать в больничных ли палатах или в иных помещениях, где находились больные". У мистера Друэ есть скверная привычка укладывать четырех холерных пациентов в одну постель <...> Ему было указано, что он может брать на свою ферму только определенное число несчастных детей, но он превысил это число по собственному усмотрению и для собственной выгоды. Его заведение переполнено. А оно ни в одном отношении не подходит для содержания такого количества детей. Детский рацион так непитателен и скуден, что его питомцы тайком перелезают через изгородь и выбирают съедобные очистки из свиного поила. Днем они одеты в лохмотья, ночью укрываются рваной ветошью. Живут они в холодных, сырых и грязных комнатухах с гнилыми полами и стенами» [Цит. по: Диккенс Ч., 1849, [http](#)]. Все эти условия в результате приводят к неминуемым смертям, в которых Диккенс винит также тех людей, кто могли бы помочь детям, если бы озаботились об этом, но они этого не сделали: «Поистине замечательно, как те, кто бездействовал, когда следовало предпринять что-нибудь решительное, став тем самым в известной степени *participes criminis* {Соучастником в преступлении (лат.).}, даже теперь стараются елико возможно замять случившееся. <...> Инспектор не сделал никаких замечаний относительно вентиляции. Он не опрашивал детей наедине о

том, как с ними обращаются. Рацион он считает хорошим - при условии, что порции будут достаточными, так как пока их величина нигде не оговорена. По его мнению, соблюдая определенные предосторожности, в 'том помещении можно было бы жить без вреда для здоровья, - при условии внесения некоторых необходимых и разумных изменений». Таким образом, в статье поднимается тема губительного равнодушия и корыстолюбия, которые приводят к непоправимым и страшным последствиям.

Диккенс был сторонником народности в литературе и искусстве. В статье «Старые лампы взамен новых» он разгромно критикует общество прерафаэлитов (*группа английских художников, образовавшаяся в 1848 г. и стремившаяся к обновлению изобразительного искусства, приближению его к жизни и моральному возрождению. Это течение возникло как протест против засилия академической условности и слепого подражания академическим образцам и выдвигало в качестве идеала творчество итальянских художников раннего Возрождения (до Рафаэля)*) [Цит. по: Рецкер Я., 1960, <http>]. Прерафаэлиты не нравились Диккенсу по многим причинам, в первую очередь потому, что они изображали людей максимально приближенными к ангельскому лику, что совсем не соответствовало той реальности, где правили голод, разруха и смерть. Публицист критиковал это движение из-за того, что оно совершенно не отражало настоящей жизни: *«Национальная академия отлично понимает и чувствует всю важность искусства, всю возвышенность стоящих перед ним целей; она глубоко сознает, что живопись есть нечто большее, чем умение правдоподобно выписать стружки или искусно раскрасить занавеси, - иными словами, она настоятельно требует, чтобы произведение живописи было одухотворено умом и чувством; и ни в коем случае не допустит, чтобы задачи живописи были низведены до столь ограниченной проблемы, как манипуляции с палитрой, шпатель и красками: не менее отрадно сознавать, что это великое просветительное учреждение, предвидя те распри, в которые оно неминуемо будет втянуто, все свое внимание уделяет*

вопросам чистой живописи, пренебрегая при этом всеми иными соображениями, в том числе и такими, как уважение к тому, что уважаемо всеми, и соблюдение самой заурядной благопристойности» [Цит. по: Диккенс Ч., 1849, [http](#)]. Во второй части статьи сатира Диккенса достигает своего апогея: он приводит в пример различные псевдо-братства, которые выдвигают своими целями абсолютно немислимые и абсурдные идеи, как например «братства прегалилеитов, каковые категорически отказываются совершать годичный оборот вокруг Солнца и порешили добиться того же самого и от нашей планеты»; или же «братство презенкурейцев, которое ставит перед собой возвышенную задачу предать забвению Моцарта, Бетховена, Генделя и всех остальных, снискавших себе столь же смехотворную известность: согласно своему названию, БПА провозглашает концом золотого века в музыке дату создания нашего первого подлинно серьезного музыкального произведения». [Цит. по: Диккенс Ч., 1849, [http](#)]. В конце «Старых ламп взамен новых» автор перестаёт иронизировать и делает общий серьёзный вывод: «Все эти братства, равно как и все прочие общества того же толка, как существующие ныне, так и могущие возникнуть впоследствии, сразу же получают и путеводную звезду, и осязаемое и осязаемое воплощение своих великих идей в виде эмблемы, которую мы позволили себе представить их вниманию. Мы предлагаем, чтобы они, со всей возможной поспешностью, обзавелись коллекцией таких картин и чтобы единожды в год, а именно, в первый день апреля, - все эти общества соединились в великом апофеозе, имя которому будет Конклав Нетленных Простофиль». [Цит. по: Диккенс Ч., 1849, [http](#)] То есть, Диккенс не просто относится к прерафаэлитскому братству отрицательно: он просто не воспринимает их всерьёз.

Одной из самых сильных и обличающих статей Диккенса является его «Красная тесьма», написанная в 1851 г. Всё время главным объектом диккенсовской сатиры было бездушие государственного аппарата. Само название – красная тесьма – иносказательно обозначает в английском языке

бюрократизм: всеобщий, повальный и неистребимый, «он опояшет Красной Тесьмой весь земной шар». Разъяснения, в которые вдаются краснотесёмщики, настолько запутаны и абсурдны, что уже только это само по себе вызывает смех у читателя: «Объяснение было представлено в виде столь запутанного клубка. что мы по справедливости сочли его высочайшим образцом тесьмопроизводства: "Указание о том, что могут быть сделаны отверстия для вентиляции, которые не облагаются налогом, как окна, не содержит ошибки, вопреки предположению сторон, а по сему я отнюдь не считаю несовместимым с законом право решать в каждом отдельном случае вопрос о том, будут или не будут определенные просверленные отверстия считаться окнами и будут ли они подлежать обложению налогом» [Цит. по: Диккенс Ч., 1851, <http>]. Красная тесьма вовсе не безобидна; когда ей нужно сделать то, что принесёт пользу жителям страны, она даже не шевелится: «Предоставьте же нашему чиновнику, который упивается Красной Тесьмой, подготовить социальную реформу, преследующую благую цель. Пусть он вновь обретет свои тесемочные мозги - после того как они на некоторое время были вышиблены из него ужасами чумы. И высчитайте, если можете, сколькими миллионами Красной Тесьмы он обовьет барьеры против, скажем, билля о погребении в общих могилах или закона о борьбе с инфекционными болезнями. О эти жгуты из толстенной Красной Тесьмы, которыми он заполнит почтовые ящики; эти наручники, которые он сделает из Красной Тесьмы, чтобы надеть их на руки, могущие принести пользу: эти бесконечные заросли департамента "Финансов", или "Лесов и Роц", или чего угодно, увешанные и заплетенные Красной Тесьмой, по которым он будет не спеша бродить, изводя тех, кому выпала печальная доля следовать за ним». [Цит. по: Диккенс Ч., 1851, <http>]. Однако если английской красной тесьме нужно что-то сделать для себя, она становится необыкновенно прыткой: «Но дайте ему что-нибудь, с чем он мог бы поиграть, - парк, который можно вырубить, страшное чучело, которое он водрузит в публичном месте на устрашение цивилизованного человечества,

мраморную арку, которую можно передвинуть на другое место - и откуда только возьмется в нем прыть! С помощью Красной Тесьмы он будет весело подтягивать вас на эшафот и опускать с него. Вот в каких забавах он находит себе утешение после огорчений, которые приносят ему злосчастные парламентские акты, предусматривающие еще более беспокойные улучшения, нежели предполагалось раньше. Он может еще и еще раз оплетать их тоненькими паутинками Красной Тесьмы и летом ловить с их помощью мух; или устроить рядом с ними официальные места отдыха и, завернувшись в Красную Тесьму, кататься по полу, наподобие гипнопотама, резвящегося во время купания» [Цит. по: Диккенс Ч., 1851, <http>]. Таким образом, Диккенс выявляет ещё одну гнусную сторону чиновничьего аппарата: корысть, из-за которой они готовы сами запутаться в сетях красной тесьмы, лишь бы опутать ей весь мир.

Своеобразным дополнением к «Красной тесьме» Диккенс написал ещё одну статью под названием «Грошовый патриотизм». В этой публикации он использует форму рассказа о карьере клерка и департаменте, где он служит., и Диккенс подчёркивает, что зло исходит не от самих клерков, а от их начальников, высокопоставленных чиновников. В конце он подытоживает: *«Нельзя ждать добра ни от каких высокопринципиальных преобразований, вся принципиальность которых обращена лишь на младших клерков. Такие преобразования порождены самым грошовым и самым лицемерным патриотизмом в мире. Наша государственная система поставлена вверх ногами, корнями к небу. Начните с них, а тогда и мелкие веточки скоро сами собой придут в порядок» [Цит. по: Диккенс Ч., 1855, <http>]*

Против тех, кто заправляет бюрократической машиной, Диккенс писал материалы не раз. Особенно интересна "Сомнамбулистка мистера Буля", где он прибегает к смелой метафоре: сравнивает власть со старой психически больной старухой Эбби-Дин, которая не осознает, что делает. Она появилась в доме мистера Буля совершенно неожиданно и была призвана управлять его домом, на вопрос, кто она такая, четко отвечала – «*домоправительница*», то

есть, она прекрасно осознает свою власть. Но ни одно из его поручений внятно донести до других не могла. Кабинет Буля – это и есть Англия, которая заразилась сомнамбулизмом: *«Он покрылся пылью, полон моли, обветшал и почти ни на что не годен. Петли его заржавели, замки не отпираются, дверцы скрипят, ящики не выдвигаются и не задвигаются»*. И даже сами жители страны не в силах противостоять всепоглощающей силе влияния сомнамбулистской старой женщины: *«Даже самый последний холоп как в палатах мистера Буля, так и за их пределами знает, что в словах ее нет и тени правдоподобия, я с сожалением замечаю, что они являются непреодолимым препятствием для осуществления каких бы то ни было попыток привести ее в сознание, и хотя среди слуг мистера Буля нашлось бы немало таких, которые могли бы попользоваться Эбби Дин дюжей встряской или целительным дерганьем за нос, все они воздерживаются от того, чтобы предложить свою благодетельную помощь»*. [Цит. по: Диккенс Ч., 1854, <http>]

Не менее разгромной вышла статья с лаконичным, но громким названием «Почему?». Обилие самых разных вопросов, волнующих писателя, на первый взгляд кажется разрозненным и никак не соотносящимся друг с другом. Но в итоге читатель понимает, что их все объединяет одна тема: нелепость и одинаковость общественного мнения. *«Почему мы так готовы забрать себе в голову ничем не обоснованные мнения и потом скакать с ними, как бешеный конь, покуда не упрется лбом в каменную стену? Почему носимся с криками восторга вокруг офицера, который не сбежал с поля боя - точно все остальные наши офицеры сбежали? Почему вырываем себе на память волосы из хвоста его лошади? Почему следуем за его мундиром? Почему надрываемся до хрипоты, прославляя всякий вздор? Почему не дадим себе труд подумать, почему не скажем друг другу: "Давайте взвесим, что хорошего сделали данный конь и данный мундир и что плохого?" Ведь лучше бы так, чем надирать глотки затем лишь, чтобы впоследствии обнаружить, что и надирать-то их не стоило!»*

[Цит. по: Диккенс Ч., 1854, [http](#)] Здесь же мы видим, что Диккенс порицает излишнее и необоснованное восхищение женщиной, снова иронизируя в присущей ему манере: *«И тем не менее я клянусь всем и всякому - так же, как и все и всяк клянутся мне, что Буффи и Будля одни в состоянии совладеть с нынешним кризисом и что среди рожденных женщиной нет никого, кто бы нас вывел в означенном кризисе, кроме Буффи и Будля. Я готов рассориться с родным сыном из-за Буффи и Будля. Мне даже подчас в минуту азарта кажется, что я готов жизнь свою положить за Буффи и Будля. Я не сомневаюсь, что в скором времени приму участие в подписке на памятник Буффи и Будлю. Любопытно бы узнать, почему я веду себя именно таким образом?»*

В «Железнодорожных грезах» прослеживается утопическая идея. Лирический герой – сам автор – едет в поезде и грезит о луне и ее обитателях. Народ в чем-то похожий на англичан, но много чем от них отличающийся на самом деле. Они выходят на улицу даже в сильный ветер, даже в плохую погоду, только для того, чтобы посидеть на воздухе и пообщаться. Они постоянно играют на бирже и часто проигрываются. Но самое главное, у них есть централизованная власть, которая принадлежит не чиновничьему аппарату, разграбляющему свой народ, а одному человеку. Диккенс предлагает: *«В таком случае, мой друг, давайте и мы заведем централизацию. Слово длинное, это верно, ну, да я совсем не боюсь длинных слов, если они означают дело. Бюрократизм - тоже длинное слово, но оно означает бездарность. Бездарность во всем - от управления государственной каретой до наемного кеба»* [Цит. по: Диккенс Ч., 1856, [http](#)]

У Диккенса также есть некролог, посвященный «Памяти У. Теккерера». Он проникнут крепкой душевной привязанностью к писателю и действительной горечью утраты. Диккенс читал недописанный роман Теккерера и записал свои ощущения: *«Среди того, что я прочел с такой печалью, есть и последняя написанная им строка, и последняя исправленная им корректура. По виду страничек, на которых смерть остановила его перо,*

можно догадаться, что он постоянно носил рукопись с собой и часто вынимал, чтобы еще раз просмотреть и исправить ее. Вот последние слова исправленной им корректуры: *"И сердце мое забилось от неизъяснимого блаженства"*. И наверное, в этот сочельник, когда он, разметав руки, откинулся на подушки, как делал всегда в минуты тяжелой усталости, сознание исполненного долга и благочестивая надежда, смиренно лелеемая всю жизнь, с божьего соизволения дали его сердцу забиться блаженством перед тем, как он отошел в вечный покой». [Цит. по: Диккенс Ч., 1864, <http>]

Некролог написан как раз в четвёртый период творчества Диккенса. В то время он работал над двумя большими романами, поэтому немного времени получалось уделять публицистике. Публикации этого периода пронизаны глубоким мрачным пессимизмом.

Совершенно поразительна статья «Будьте добры, оставьте зонтик!». В ней писатель размышляет над тем, что приходится оставлять народу на входе в официальные заведения, такие как суды или дворцы, музеи. Когда полицейский на входе просит его оставить зонтик, Диккенс иронизирует, что вместе с зонтиком ему придётся оставить все свои собственные мысли по любому поводу, ведь теперь его разум принадлежит тому месту, в котором он находится, а значит, и людям, которым оно принадлежит. *«Будьте добры оставить свой зонтик! Из всех Сил, забирающих у вас зонт, мода, пожалуй, самая ненасытная и всепожирающая власть. Оставить зонтик - значит, засунуть в зонтик и оставить в вестибюле, до тех пор пока вы не покинете дворца, все ваши способности к сопоставлениям, весь ваш опыт и ваше личное мнение. И взамен всего этого вместе с номерком соблаговолите получить убеждения какой-то неведомой личности, именуемой Кто-то, или Никто, или Некто, и без возражений присвойте их себе. Джентльмены, будьте любезны вместе с зонтиками оставлять свои глаза и сдавать на вешалку с вашими тросточками все ваши личные вкусы. Испробуйте это средство, изготовленное Мудрым Магом, и на ваших глазах бесконечный*

караван верблюдов без малейшего труда будет проходить через игольное ушко. Оставьте свой зонтик доверху набитым вещами, которые не пригодятся вам при осмотре дворцовой коллекции, полисмену, и вы неизбежно, хотите вы того или нет, признаете этот уродливый фарфор красивым, эти до утомительности однообразные и невыразительные формы изящными, эту грубую мазню - шедеврами. Оставьте ваши зонты и подчинитесь Моде. Мода провозглашает, что хорошо и что плохо, примите же ее законы и следуйте им. Забудьте о своих зонтах - о них позаботится полиция Скотленд-Ярда! Не думайте - за вас будет думать полиция Моды!»

[Цит. по: Диккенс Ч., 1858, <http>] В этих словах заключена идея того, что у людей отбирают их собственное мнение и дают им чьё-то чужое, и они ничего не могут с этим поделать, потому что есть власть, которая при случае любит наказывать: «Мне прежде всего пришлось запихнуть в зонтик мое представление о различии между Черным и Белым, а ведь различие это настолько велико, что иной зонт от него может лопнуть. Но эта мера послужила мне на пользу, потому что иначе мне вряд ли удалось бы избежать суровых рук парламентской стражи, когда мне собственными ушами довелось услышать, как член палаты, выступавший при мне на предыдущей сессии и с глубоким волнением заявивший, что он пришел в это здание лишь затем, чтобы, положив руку на сердце, утверждать, что Черное это Белое и что понятия Черное вообще не существует, - на этот раз с таким же глубоким волнением сообщил, что пришел в палату лишь для того, чтобы, положив руку на сердце, утверждать, что Белое это Черное и что понятия Белое вообще не существует. Если вы имеете при себе такую штуку (именно с такими словами, по существу, обратился ко мне хранитель зонтов), как понимание различия между банальными общими фразами и истинно патриотическими настроениями, - то и с этим вам надо здесь расстаться. - О, с удовольствием, - согласился я. - Кроме того, у вас, наверное, есть собственное представление о совокупности кое-каких вещей, называемых Родиной, и их будьте любезны оставить с зонтом. - Охотно, -

сказал я. - Ваше убеждение, что существует общественное мнение и что это не что иное, как болтовня в кулуарах, гостиных и клубах, будет для вас также немалой помехой, да и не вам одному; расстаньтесь и с этим. - С величайшей готовностью, - сказал я. Должен заметить, что после того, как меня так тщательно раздели и обработали, я с полным удовольствием провел время, что было бы просто невозможно, я в этом искренне убежден, сохрани я при себе зонтик со всем его обременительным содержимым» [Цит. по: Диккенс Ч., 1858, <http>]. Чарльз Диккенс был более чем недоволен таким положением дел, ведь он видел всё, мог объяснить кому угодно своё видение, но был почти полностью беспомощен, у него не было ничего, кроме, возможно, того влиятельного рупора, который называется публицистикой.

Последняя статья Диккенса вышла в свет в 1869 г., незадолго до его смерти. Она довольно позитивного характера, потому что в ней Диккенс пишет о ещё одной незаурядной личности – своем друге, актере Фехтере. *«Я восхищаюсь им не потому, что он мой друг, но он стал моим другом потому, что я им восхищаюсь. Первое, что отличает игру мистера Фехтера, - это ее высокая романтичность. Вместе с тщательной отделкой мельчайших деталей в ней всегда чувствуется какая-то особая сила и энергия, словно наполняющие весь спектакль новой жизнью. Когда он на сцене, мне кажется, что все события происходят в первый и в последний раз. Играя влюбленного, он полон такого пыла, так упоен своей страстью, что она словно окутывает сиянием ту, к которой обращено его чувство, и зрители невольно видят ее такой, какой она представляется ему. Именно благодаря этой замечательной способности он покорила Пария; и прославился в роли любовника в "Даме с камелиями", это, собственно говоря, роль, сводящаяся к двум большим сценам, но он так сыграл ее (он был первым ее истолкователем), что она до конца пьесы придавала образу героини возвышенную поэтичность. Женищина, способная вызвать такую любовь, такое преданное возвышенное обожание, невольно покоряла зрителей так,*

как никогда не покорила бы, не вызови она в этом сердце столь всепоглощающего и совершенного чувства. Когда я в первый раз увидел "Даму с камелиями" с мистером Фехтером, моя снисходительность к героине объяснялась тем, что я своими глазами видел, какую необычайно трогательную любовь могла она зажечь. Я, словно ребенок, убеждал себя: "Дурная женщина не могла бы быть предметом столь удивительной нежности, не могла бы покорить такое сердце, не могла бы вызвать таких слез у такого влюбленного". То же самое, по-моему, осознанно или бессознательно, ощущали все парижские зрители, и именно поэтому то, что шокирует в "Даме с камелиями", исчезло в лучах романтического ореола. Мне довелось увидеть ту же пьесу, когда эта роль игралась иначе, и по мере того как любовь становилась все более скучной и земной, героиня все ниже спускалась со своего пьедестала». [Цит. по: Диккенс Ч., 1869, <http>]И в конце писатель подытоживает лучшие стороны своего друга: «Я считаю, что это было так (а в Лондоне это было именно так!) не из-за живописности подобного толкования роли, не из-за новизны, не из-за множества отдельных красот исполнения, а из-за его безупречной логичности. Некий художник-анималист сказал о своей любимой картине с кроликами, что в этих кроликах куда больше естественности, чем у обычных кроликов; точно так же о Гамлете мистера Фехтера можно сказать, что в этом Гамлете куда больше логичности, чем у обычных Гамлетов. Главное и редкое достоинство этого оригинального толкования заключается в том, что оно представляет собой совершенное воплощение ясного и четкого замысла. С той минуты, когда появляется этот сломанный "чекан изящества, зеркало вкуса", бледный, без конца оплакивающий смерть отца, уже смутно подозревая ее причину, и до последней борьбы с Горацио из-за рокового кубка, ничто не нарушает цельности характера, создаваемого мистером Фехтером. Немецкий трагик Дефринт несколько лет тому назад произвел немалый фурор на лондонской театральной голубятне тем, что во время сцены с актерами сидел, и еще

несколькими столь же скромными отступлениями от традиций; однако он носил все тот же маловыразительный костюм и в главном придерживался все той же традиционной трактовки, балансируя между здравым рассудком и безумием. Не помню, был ли на нем парик с короткими, круто завитыми кудрями, словно он собирался на вечный танцевальный урок при датском дворе, но зато я твердо помню, что все другие Гамлеты со времен великого Кембла волей-неволей обзаводились такими кудрями» [Цит. по: Диккенс Ч., 1869, [http](#)]

Выводы: В своих публикациях Диккенс большое внимание уделяет теме тотального общественного невежества, считая это главной проблемой, препятствующей нормальному развитию общества. Помимо этого, автор поднимает вопросы о резонности смертной казни, становлении человеческого сознания в условиях вынужденной нищеты, когда богачи живут за счёт бедняков и унижают их согласно собственным придуманным несовершенным законам, и как от этого зависит дальнейшая жизнь человека; а также этический аспект авторского права на международном уровне.

Долгое время преступления были излюбленной темой всех репортёров и газетчиков. Однако Диккенс трактует эту тему гораздо шире, чем остальные; в его статьях звучит интонация, никак не связанная с таким свойством громких публикаций, как сенсационность. Автор раздумывает над нравственно-этической стороной преступлений, о правомерности наказания и о том, нужна ли вообще казнь и как она влияет на людей. Нравы самой эпохи Диккенс не только изображает без приукрашиваний, но и призывает свою аудиторию к духовному самосовершенствованию, через которое произойдёт и усовершенствование структуры общества.

Чарльз Диккенс обладал поистине великим литературным мастерством. Благодаря ему публицисту удавалось выражать взгляды, которые стремился донести до аудитории. Его речи слушатели воспринимали всегда с большим энтузиазмом. И хотя большинство его публикаций исследователи называют статьями, по структуре своей они отнюдь не однородны. В декларативной

форме написано лишь небольшое количество его «статей». Некоторые из них имеют признаки памфлета: в них много сатиры на социально-политическую систему и лиц, представляющих её. Большинство этих материалов принадлежит к такому жанру публицистики, который англичане называют «эссеем». Как правило, это публикации, содержащие в себе большое количество юмора и сатиры, написанные в обличающей манере. Некоторые из жанровых форм, которые Диккенс использовал для написания своих статей – притчи, письма несуществующих людей, фантазии, новеллы. Сатиристические аллегории являются очень распространённым приёмом в публицистике Диккенса.

Заключение

Творческая мастерская Чарльза Диккенса – довольно выдающееся явление в истории не только английского, но и всего реализма. Со сказками Диккенса знакомят с детства, а в более зрелом возрасте читают его романы и публикации. Его наследие уникально и имеет большую важность. Как однажды сказал советский литературовед И. Катарский, даже в детских книгах писателя *«внимательный читатель уловит еле заметную горечь в, казалось бы, неизменно радостных развязках его романов, почувствует, что наивная на вид оптимистическая философия писателя вовсе не призвана утешать людей словами обмана или скрывать правду»*. [Цит. по: Катарский И. М., <http>]

В ходе исследования были рассмотрены и разобраны особенности мира публицистики Чарльза Диккенса на основе изученного исторического материала об Англии первой половины XIX века и биографии писателя:

- проанализированы и сопоставлены тексты в период с 1838 по 1848 гг.
- выявлено разнообразие их тематических особенностей;
- определены основные идеи творчества Диккенса: невежество и способы его искоренения, обличение разных пороков власть имущих, размышления о нравственных аспектах наказания преступников, поддержка видных общественных деятелей и бедных людей, которые не в состоянии обеспечить себя сами, не только словом, но и делом (если взять речь «В поддержку больницы для детей» или статью «Призыв к падшим женщинам»); призыв к совершенствованию общественно-политической системы в целом.

Развитие творческой мысли и мировоззрения Диккенса вместе с его гражданской позицией становилось под воздействием политических, культурных и социальных реорганизаций, и это во многом отразилось на его публикациях. Нерушимыми провозглашались интересы буржуазии, и все это

за счет голода и мора, обрушившегося на жизни простых людей. Это способствовало более четкому разделению общества на классы в дальнейшем.

Тема социального неравенства нашла своё отражение в статьях «К рабочим людям», «О судейских речах», «Рай в Тутинге» и др. Непосредственный отклик на неприемлемые условия жизни большей части населения Англии, на их бедственное положение стали статьи «Железнодорожные грёзы», «Почему?»; вопросы и советы по предотвращению множества детских смертей – в речах «В защиту больницы для детей», «Ферма в Тутинге». Диккенс неоднократно выделял важность настоящего искусства, музыки, живописи и литературы в своих выступлениях и статьях – «Макриди в роли Бенедикта», «Игра мистера Фехтера», «Возвращение на сцену подлинного шекспировского Лира», «Дети пьяницы» Крукшенка», «Старые лампы взамен новых» и др. Очень многое из того, что было сделано Чарльзом Диккенсом в годы его жизни, остаётся актуальным и после его смерти, хотя читательская аудитория не сразу оценила великий талант автора, как писательский, так и публицистический.

После смерти Диккенса к его произведениям критики относились скептически, в какой-то мере даже пренебрежительно на протяжении более полувека. О нём говорили как о популярном писателе, способном лишь развлекать публику. Часто были нападки на непрофессионально выстроенный сюжет, обилие сентиментальности, обвинения в карикатурности образов. Одним из ниспровергающих критиков был Оскар Уайльд: *«В искусстве Диккенса, и в самом деле, столь мало здравого смысла, что он не способен даже на сатиру, его подлинная стихия — это карикатура»* [Цит. по: Уайльд О., 1887, <http>]. Мы считаем, что у Оскара Уайльда, возможно, были свои мотивы для подобных высказываний, которые нам не совсем понятны, потому как проведённое нами исследование не подтверждает его мыслей.

Чарльз Диккенс внёс большой вклад в развитие английской публицистики XIX века. В его статьях и речах прослеживаются зрелые, выношенные идеи, достойные самого острого ума, и преподнесённые подобающим языком, обычно в юмористической форме. Как писала Б. Харди, у Диккенса есть одна отличительная очень важная особенность искусства, которая состоит в *«двойном акценте - на силе и красоте человеческой любви и на силе и ужасе современного общества»*. [Цит. по: Харди Б., [http](#)]. В его статьях даже в наши дни мы с удовольствием находим большие концентрации простого человеческого сострадания обездоленным, и наши глаза открываются на многие несправедливости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Диккенс Ч. «Возвращение на сцену подлинно шекспировского Лиры», 1838. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
2. Диккенс Ч. «На банкете в его честь» (речь) 1841. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
3. Диккенс Ч. «На банкете в его честь» (речь) 1842. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
4. Диккенс Ч. «На банкете в его честь» (речь) 1842. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
5. Диккенс Ч. «Доклад комиссии, обследовавшей положение и условия жизни лиц», (статья) 1843. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
6. Диккенс Ч. «Макриди в роли Бенедикта» (статья) 1843. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
7. Диккенс Ч. «На вечере Политехнической школы» (речь) 1844. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
8. Диккенс Ч. «Интересы сельского хозяйства» (статья) 1844. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
9. Диккенс Ч. «На вечере школы для рабочих» (речь) 1844. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
10. Диккенс Ч. «О смертной казни» (статья) 1844. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
11. Диккенс Ч. «Угрожающее письмо Томасу Гуду от некоего почтенного старца» (статья) 1844. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
12. Диккенс Ч. «Преступность и образование» (статья) 1846. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
13. Диккенс Ч. «Невежество и преступность» (статья) 1848. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>

14. Диккенс Ч. «О судейских речах» (статья) 1848. Эл. ресурс: <http://www.world-art.ru/people.php?id=33519>
15. Диккенс Ч. Письма 1833-1854. Эл. ресурс: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d29.txt>
16. Диккенс Ч. «Рай в Тутинге», (статья) 1849 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
17. Диккенс Ч. «Ферма в Тутинге», (статья) 1849 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
18. Диккенс Ч. «Старые лампы взамен новых», (статья) 1850 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
19. Диккенс Ч. «Красная тесьма», (статья) 1851 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
20. Диккенс Ч. «Призыв к падшим женщинам», (статья) 1853 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
21. Диккенс Ч. «Сомнамбулистка мистера Буля», (статья) 1854 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
22. Диккенс Ч. «Грошовый патриотизм», (статья) 1855 Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
23. Диккенс Ч. «Железнодорожные грёзы», (статья) 1856 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
24. Диккенс Ч. «Почему?», (статья) 1856 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
25. Диккенс Ч. «Речь в защиту больницы для детей», (речь)1858 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
26. Диккенс Ч. «Будьте добры, оставьте зонтик!», (статья) 1858 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
27. Диккенс Ч. «Памяти У. М. Теккерея», (статья) 1864 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
28. Диккенс Ч. «Игра мистера Фехтера», (статья) 1869 г. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

29. Аникст А. А., Ивашева В. В. Чарльз Диккенс. Статьи и речи. М., 1960. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
30. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 1999
31. Катарский И. М. Диккенс (Критико-биографический очерк), 1960. Эл. ресурс: <http://charles-dickens.ru/books/item/f00/s00/z0000006/index.shtml>
32. Михальская Н. П. История английской литературы. М., 2007
33. Оруэлл Дж. Чарльз Диккенс // Тайна Чарльза Диккенса. Эл. ресурс: http://www.belousenko.imwerden.de/books/dickens/Dickens_Mystery.pdf
34. Потанина Н. Л. Эстетические позиции Диккенса. М., 1998
35. Уайльд О. «Новая книга о Диккенсе», 1887. Эл. ресурс: <http://oscar-wilde.ru/estetika-miniatury-esse-lekcii/novaya-kniga-o-dickense.html>
36. Эл. ресурс: <https://interneturok.ru/istoriya>
37. Эл. ресурс: <http://www.zavtrasessiya.com/index.pl?act>
38. Эл. ресурс: <https://studfiles.net/preview/1723194/>
39. Эл. ресурс: <http://www.agitclub.ru/front/eng/chartist02.htm>
40. Эл. ресурс: <http://hist-world.com/istoriya-nashej-strany-do-xx-vek/174-promyshlennyj-perevorot-v-anglii-xviiiiv.html>
41. Эл. ресурс: <http://ponjatija.ru/node/13637>
42. Эл. ресурс: <https://www.livelib.ru/author/104882-charlz-dickens>
43. Эл. ресурс: http://psujourn.narod.ru/lib/an_dickp.htm
44. Эл. ресурс: <http://www.dickens.jp/genealogy/genealogy-e.html>
45. Эл. ресурс: http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d28.txt_with-big-pictures.html
46. Эл.ресурс:<file:///D:/%D0%97%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8/17160-17686-1-PB.pdf>